

*И. М. Макаренко, аспирант
БГУ культуры и искусств.
Научный руководитель – М. А. Можейко,
доктор философских наук, профессор*

КРИЗИС ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Покоящаяся на фундаменте устоявшихся аксиологических парадигм классическая европейская культура наделяла личность не только статусом безусловной ценности, но и задавала ей вполне определенные рамки норм и приоритетов, что создавало благоприятные ментальные условия для успешного протекания процесса личностной идентификации.

Оказавшаяся же доминантной во второй половине XX века и стремительно распространяющаяся в условиях глобальной коммуникационной интеграции мировоззренческая парадигма постмодерна, основанная на презумпции гносеологической закрытости мира, определила возникновение в рамках европейской культуры ряда радикальных методологических трансформаций. Вследствие последних были подвергнуты сомнению и критике традиционные для европейского культурного пространства ценности, что, в частности, отразилось и на человеческой личности: она лишилась абсолютных понятийных основ, необходимых для личностного определения и оказалась в состоянии идентификационного кризиса.

Актуализация указанной проблемы подчеркивается различными авторами, среди которых как классики постмодернистской мысли (Ф. Джеймисон, Ю. Кристева), так и ее исследователи (А. Генис, И. П. Ильин, М. А. Можейко, Ф. Шеффер).

Как замечает Ю. Кристева, «все чаще слышатся жалобы людей, причем самых трезвомыслящих, на то, что они буквально не знают, кто они есть», – содержание их жизни сводится к тому, что они «как бы “делегируют” персонажей на сцену своей деятельности – в том числе пассионарной, любовной, хотя чаще общественной и профессиональной» [4, с. 14]. Проблема идентификации личности по своей сущностной природе является гносеологической проблемой. Человек нуждается в достоверном понятийном отображении самого себя и сопоставленности этого отображения с системой зна-

ний о внеположенном ему объективном мире. Подобное требует наличия универсальных гносеологически легитимных понятийных оснований. В противном случае, как отмечает Ф. Шеффер, человек «лишается универсалий, способных покрыть единичности его души», что приводит его к состоянию, когда он «начинает стенать: “Кто я такой!?”» [6, с. 322–323]. Человека же современности он характеризует как отчаявшегося «найти некую универсальную обусловленность, чтобы положить ее в основу своего мировоззрения как универсальный принцип, способный объяснить знание и жизнь» [5, с. 25].

Причина этого – постмодернистский парадигмальный гносеологический пессимизм, настаивающий на отсутствии связи вербальных знаков с онтологической реальностью в силу невозможности когнитивного освоения последней. Познавательный прорыв к сектору означаемого постмодернистской философией отрицается, что приводит к суверенизации означаемого сектора в системе знакового комплекса и не позволяет легитимировать до степени абсолютного никакое языковое понятие. А поскольку мир культуры теснейшим образом связан с миром языка, то культурное пространство, в рамках которого протекает процесс инкультурации индивида и в частности процесс личностной идентификации, становится релятивным и, по методологии постмодерна, виртуально-иллюзорным. Взаимодействуя с языковой стихией, обретает статус эфемерно-преходящего и феномен личности. Последняя рассматривается в постмодернизме как структурированная по законам художественного повествования. Так, П. Клоссовски отмечает, что «упраздняя себя вместе с идентичностями, язык, избавленный от всех понятий, отвечает уже не бытию» [3, с. 84], а, следовательно, не отвечает бытию и личность, обозначенная посредством языковых структур. А в силу того, что в тексте, по Р. Барту, все «находится в процессе ежесекундного и многократного означивания, но при этом никак не сопряжено с итоговым целым, с завершенной структурой» [1, с. 55], личное сознание, отождествленное с текстом, также может рассматриваться лишь как бесструктурно-хаотичное явление. Идентичный вывод постулируется и И. П. Ильиным. Размышляя над феноменом восприятия «сознания как текста, структурированного по законам языка», и

организации «его как художественного повествования», он отмечает, что и «сама личность в результате своего художественного обоснования приобретает те же характеристики литературной условности, вымышленности и кажимости, что и любое произведение искусства» [2, с. 99–100].

Создавшееся положение актуализировало научный поиск *путей выхода* из создавшихся когнитивно-аксиологического и, как следствие, экзистенциального тупиков. Результатами подобных исследований явились предложенные современной культурой программы пост-постмодернистского ее трансформирования: проект неоклассицизма, направленный на возвращение к утраченным смыслам и значениям (начиная от М. Готдинера) и коммуникационный проект (начиная от К.-О. Апеля). Возникновение данных программ ознаменовало собою поворот от постмодерна к пост-постмодерну как новому этапу развития современной культуры.

Таким образом, отсутствие возможности в силу гносеологического пессимизма постмодерна создания в культуре универсального понятийного поля приводит к различным отклонениям в процессе личностной идентификации. Личность утрачивает универсальные категории, способные стать идентификационным основанием и сделать возможным определение тождественности личности в соотношении с метаобразом человека актуальной культурной формации. Ввиду этого особую актуальность приобретают культурные программы пост-постмодерна, в частности, проект неоклассицизма, направленный на возвращение к утраченным смыслам и значениям (М. Готдинер).

1. *Барт, Р. S/Z / Р. Барт.* – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2009. – 373 с. – (Философские технологии. Структурализм).

2. *Ильин, И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.: ил.

3. *Клоссовски, П.* Симулякры Жоржа Батая / П. Клоссовски // Танаграффия Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 79–89.

4. *Кристева, Ю.* Ответы на вопросы редакции журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск. – 1995. – № 2. – С. 5–17.

5. *Шеффер, Ф.* Бог Сущий / Ф. Шеффер // Он здесь, и Он не молчит: избр.: пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 1–178.

6. *Шеффер, Ф.* Он здесь, и Он не молчит / Ф. Шеффер // Он здесь, и Он не молчит: избр.: пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 247–347.